

Н. Н. Скатов¹

«РУССКОЕ СЛОВО» В ДИАЛОГЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Приветствуя участников очередных Международных Лихачевских научных чтений, я хотел бы сказать несколько слов о той форме, посредством которой мы, русские, ведем свой диалог с другими культурами.

Ранее, выступая на Лихачевских чтениях, я говорил о русских как о литературообразующей нации. Создание великой, одной из величайших в мировой истории литературной традиции — от Слова о полку Игореве до «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского, от московских книжников до поэтической плеяды Серебряного века — стало особой всечеловеческой миссией русского народа. Это потребовало от него таких же исключительных духовных и физических сил, каких, например, ранее воля истории — от создателей правовой культуры — римлян — или от организаторов научно-технического прорыва XVIII–XIX веков — французов, англичан и немцев. Поэтому в диалоге культур русские могут смело смотреть в глаза своим партнерам-собеседникам: они внесли в партнерство цивилизаций свой оригинальный, неповторимый вклад.

Но русская литературная традиция, русское литературное наследие — это еще и способ выражения некоей идеологии, способ коммуникации. Самый яркий пример тому — творчество Н. В. Гоголя, юбилейное празднование 200-летия со дня рождения которого почти совпало с IX Лихачевскими чтениями.

«Я совершу... Я совершу! Жизнь кипит во мне. Труды мои будут вдохновенны. Над ними будет веять недо-

ступное земле божество! Я совершу!..» — так экстатически писал Гоголь в канун 1834 года, еще ничего почти не совершив, но предчувствуя и веря. Что же он хотел совершить? Что он совершил? И что ему совершить так и не удалось? «...Назначение человека, — написал Гоголь, уже завершая свой путь, — служить, и вся жизнь наша есть служба». И еще: «Писатель, если только он одарен творческою силою создавать собственные образы, воспитайся прежде как человек и гражданин земли своей...»

То есть Гоголь с самого начала видел в качестве своей основной миссии художника достижение не Красоты, а прежде всего Истины. Говоря иначе, Красота для него могла быть санкционирована исключительно Истиной, вне Истины он Красоту не мыслил. Жить красиво — значит для него жить в Истине. Творить Красоту — стремиться к Истине. Замечательно, что эту эстетику духа Гоголь ассоциировал именно с русским художественным творчеством и тем самым определял особую роль отечественного искусства в рамках европейского искусства.

«Несмотря на внешние признаки подражания, — писал он, — в нашей поэзии есть очень много своего». Это «свое», по мнению Гоголя, возникает, во-первых, под влиянием народных песен, «в которых мало привязанности к жизни и ее предметам» и которые внушают стремление «как бы унести куда-то вместе со звуками». Во-вторых, особая русская эстетическая ментальность возникает под воздействием «необыкновенной полноты народного ума», проявляющейся в русских пословицах, в стремлении живой народной речи «сделать все своим орудием: иронию, насмешку, наглядность, меткость живописного соображения, чтобы составить животрепещущее слово, которое пронимает насквозь природу русского человека, задевая за все ее живое». И, наконец, в-третьих, отечественная

¹ Член-корреспондент РАН, советник РАН, главный редактор журнала «Русская литература», доктор филологических наук, профессор. Заместитель председателя Экспертного совета Высшей аттестационной комиссии РФ, член Научного совета при Совете Безопасности РФ, член Комиссии по вопросам помилования на территории Санкт-Петербурга.

Автор более 300 работ: «Кольцов», «Некрасов», «Пушкин. Русский гений», «Некрасов. Современники и продолжатели». Автор сборников историко-литературных статей «Поэты некрасовской школы», «Далекое и близкое», «Литературные очерки» и др.

эстетика возникает из «слова церковных пастырей» — слова, «замечательного по стремлению направить человека не к увлечениям сердечным, но к высшей умной трезвости духовной». «Все это, — заключает Гоголь, — пророчило для нашей поэзии какое-то другим народам неведомое, своеобразное и самобытное развитие».

Эту миссию русского художника Гоголь осознал почти сразу. И поэтом почти сразу и уже навсегда объединились в русской жизни и для русского сознания два великих русских духовных ратоборца — Гоголь и Белинский. Неслучайно Некрасов сведет их имена в хрестоматийных теперь стихах о русском мужике, который «Белинского и Гоголя с базара понесет». А когда в конце творческого пути гениальный писатель и великий критик разойдутся, то, конечно, не как в море корабли, но после почти смертельной схватки, обмениваясь такими письмами, которые «раскалывали» умы и сердца многих людей и целых поколений.

Коренная их идея — идея переустройства, переделки, пересоздания жизни. Это исторически возникшее нетерпение, в конечном счете по-разному проявившееся, но в одном единое. И если, по словам А. И. Герцена, Россия ответила на призыв Петра сто лет спустя «громдным явлением Пушкина», то, по мнению И. С. Тургенева, Гоголь сам «во многих отношениях был для нас продолжателем Петра Великого», то есть человеком, дерзнувшим на преобразование жизни целой страны и вполне это осознавшим. Кто еще решился бы сказать: «Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?..» И в «Мертвых душах», и в «Ревизоре» Гоголь прежде всего хотел обрести точку опоры, чтобы перевернуть целый мир, во всяком случае русский мир, в который он так твердо верил и на который до конца надеялся.

Борьба Н. В. Гоголя за обновление русской жизни, ее преобразование совершалась в тяжелых противоречиях. Он готов был отрешиться от самого искусства, потому что оно не смогло немедленно и кардинально обновить жизнь. Он готов был отрешиться и от самого поучения, прежде всего религиозного, в котором видел последнее и окончательное слово, так как счел себя к нему неспособным. Он готов был сам стать примером на пути духовной, нравственной и физической аскезы и пройти его до конца — самого страшного.

«Вот, — воскликнул Н. А. Некрасов, — честный-то сын своей земли... который писал не то, что могло бы более нравиться, и даже не то, что считал полезнейшим для своего отечества. И погиб в этой борьбе, и талант, положим, свой во многом изнасилвал, но каково самоотвержение!» И. С. Тургенев в марте 1852 года писал Ивану Аксакову: «Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам, — ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа, и Гоголь погиб!» Действительно, Н. В. Гоголь с колоссальной силой обнажал такие социальные и духовные противоречия, для решения ко-

торых должна быть призвана вся национальная, а может быть, и целая человеческая история.

И так — у каждого русского писателя-классика! Ф. М. Достоевский, для которого «общечеловечность есть идея национальная русская», видел идеальное эстетическое выражение этой идеи в творчестве А. С. Пушкина, определяя тем самым его *уникальность в кругу европейских писателей*. «В самом деле, в европейских литературах были громадной величины художественные гении — Шекспиров, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих великих гениев, который бы обладал такою способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин».

А. С. Пушкин в изображении Ф. М. Достоевского не столько поэт, литератор как таковой, сколько *действенное русское слово*, миссия которого, ни много ни мало, — «стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей, вместишь в нее с братскою любовью всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Нужно ли говорить, что и для самого Ф. М. Достоевского эстетика оказывалась лишь производной от «великой мысли»? Можно ли читать его книги только лишь для того, чтобы получить эстетическое наслаждение? Можно ли, восхищаясь афористической красотой знаменитого высказывания Ивана Карамазова «о слезинке ребенка», оставаться абсолютно глухим к тому идейному пафосу, который стоит за блеском этих афоризмов? И как бы сам Достоевский отнесся к таким поклонникам, которые, называя его мировым художественным гением, не дрогнув, тут же проливают океаны «детских слезинок», развязывая войны, вызывая нищету, бесправие и тому подобное в мировых регионах?

То есть вкладом России в диалог культур является не только русская литература, но и та *русская идеология*, которая породила как форму своего выражения эту литературу. Лучше всего эту «русскую идеологию», «русское слово» миру сформулировал наш великий Пушкин:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.

Морально-этическая проповедь («чувства добрые»), проблема онтологической свободы личности, не зависящей от «жестокости века» (а эта проблема породила всех «лишних людей» русской литературы — от Онегина до Раскольниковых), внимание и сострадание не только к «героям», но и к «маленьким людям» («милость к падшим») — вот то русское слово, которое через великую русскую литературу принадлежит в диалоге цивилизаций нашей культуре.